

БЪЕРНСЕНЪ.

ПРОКАЗНИКЪ.

(Норвежская сказка.)

Въ печальный ноябрьскій вечеръ бесѣдовалъ я съ богатымъ землевладѣльцемъ, ввѣрившимъ мнѣ воспитаніе своихъ дѣтей. Мы жили въ загородномъ домѣ, въ двадцати миляхъ отъ Христианіи. На дворѣ шло что-то мокрое: ни дождь, ни снѣгъ, ни градъ, но все это вмѣстѣ. Въ залѣ, гдѣ мы сидѣли, свѣтъ лампъ былъ такъ слабъ, что едва видно было высокое зеркало съ готическою рамою, а на буфетѣ наслѣдственный кубокъ, данный предку моего хозяина за какую-то государственную заслугу. Но владѣлецъ этого кубка сидѣлъ теперь на диванѣ, и читалъ корректуру сочиненія своего, подъ названіемъ: *О благосостояніи земледѣлія въ Норвегіи.*

Прочитывая эти листки, онъ иногда говорилъ со мною нѣсколько фразъ, для лич-

наго моего наставленія — тогда какъ я въ это время приготовлялъ уроки для его дѣтей. Наконецъ онъ одушевился однимъ мѣстомъ своей брошюры и сталъ читать ее, хотя, признаюсь, я былъ плохимъ слушателемъ, потому-что наизусть зналъ всѣ эти фразы. Мое терпѣніе начинало истощаться. Но въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ зѣвнуть самымъ неучтивымъ образомъ, вдругъ, къ спасенію моему, раздался въ кухнѣ продолжительный смѣхъ. Тамъ былъ кузнецъ Христіанъ, который посѣщаль эту часть дома, и часто возбуждалъ въ прислугѣ своими разсказами громкій и веселый смѣхъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я, послушать разсказовъ кузнеца. — И вставъ со своего мѣста, я оставилъ хозяина одного въ полу-мракѣ.

— Болтовство ребятъ, проворчалъ онъ, сказки старыхъ нянюшекъ, бесполезныя сказки, которыя совѣстно слушать образованному человѣку. Истинное просвѣщеніе...

Далѣе я уже не слышалъ, потому-что заперъ за собою дверь. Пламя отъ новой охапки сухихъ дровъ, положенныхъ вновь къ прежнимъ полѣнамъ, тлѣвшимъ въ огромномъ каминѣ, весело освѣщало радостную толпу, собравшуюся въ кухнѣ. У самаго очага, на первомъ мѣстѣ засѣдала ключница со своею прилкою. Несмотря на преклонныя лѣта и періодическіе ревматизмы, доказательствомъ которыхъ служили три фланелевыя юбки и широкая шаль изъ кроликовой шерсти, — ключница казалась веселою. У ногъ ея дѣти грызли орѣхи, вокругъ нея шли и вязали няньки и работницы.

Послѣднія, стяхнувъ снѣгъ съ ногъ, усѣлись за длинный столъ, на который кухарка поставила миску щей. Кузнецъ стоялъ, облокотясь на каминъ. Во рту у него торчала коротенькая трубка. На лицѣ его, немного выпачканномъ сажею, выражалось проницательное удовольствіе человѣка, который только что разсказаль забавную сказку и самъ доволенъ успѣхомъ разсказа.

— Здравствуй, кузнецъ, — сказалъ я. Чему это вы такъ громко смѣялись, что даже въ залѣ было слышно?

— Христіанъ разсказываль намъ разныя забавныя сказки. Теперь онъ хочетъ разсказать какъ воръ женился на дочери богатаго фермера.

— Прекрасно, Христіанъ, я не мѣшаю тебѣ, — сказалъ я, душевно радуясь, что избавился трактатовъ философіи и послушаю простонародныхъ сказокъ, переходящихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Ободренный моими словами, кузнецъ затынулъ два раза изъ своей трубки и началъ разсказъ:

Жилъ былъ нѣкогда въ Норвегіи бѣдный крестьянинъ, у котораго было три сына. Не имѣя никакого имущества оставить имъ въ наслѣдство послѣ своей смерти, и не имѣвъ возможности выучить ихъ какому-нибудь ремеслу, потому что былъ слишкомъ бѣденъ, — онъ сказалъ имъ однажды.

„Дѣти мои! Дѣлайте что вы хотите, ступайте куда вздумается, мнѣ васъ нечѣмъ кормить. Я пойду съ вами и провожу васъ.“

Сказано-сдѣлано. Отецъ и три сына пошли путемъ дорогою, куда глаза глядятъ.

Пришли они на перекрестокъ. Три дороги раздѣлялись на этомъ мѣстѣ. Каждый изъ трехъ братьевъ выбралъ себѣ особую дорогу, — а отецъ, простясь съ ними, возвратился въ свою хижину.

— Что было съ двумя старшими братьями, о томъ мы раз-

скажемъ въ другой разъ, — но вотъ что случилось съ младшимъ.

Однажды ночью проходилъ онъ черезъ дремучій лѣсъ. Тутъ застала его сильная гроза и буря. Вѣтеръ ломалъ деревья, градъ сыпался какъ горохъ; зги было невидно. Долго бѣднякъ бродилъ почти ощупью; наконецъ увидѣлъ издали свѣтъ, и пошелъ прямо на него.

Онъ дошелъ до какого-то дома, дверь была не заперта. Онъ смѣло вошелъ, и увидѣлъ старуху, которая прибирала, выметала и освѣщала въ комнатѣ.

— Здравствуй, бабушка, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Здорово, добрый молодець, — сказала та.

— Знаешь ли, что на дворѣ такая непогода, что добрый хозяинъ собаки не выпустить?

— Знаю, дитяtko.

— Дай же мнѣ пріютиться здѣсь гдѣ-нибудь до утра.

— Жаль мнѣ тебя дитяtko, а ты пожалѣй меня, — сказала старуха. Нельзя тебѣ пріютиться въ этомъ домѣ. Если хозяева придутъ, то убьютъ меня и тебя.

— А кто твои хозяева?

— Воры, дитяtko, и самые злые. Меня давно уже захватили они и держатъ въ полону, чтобъ я на нихъ стряпала.

— Ну, какъ быть, бабушка! сказалъ крестьянинъ. Да будетъ воля Божія, — а я отсюда не пойду. Я очень усталъ, и лягу спать на первую кровать, которая мнѣ попадется.

— Какъ хочешь, добрый молодець, — отвѣчала старуха. Не могу же я тебя вытолкать. Мое дѣло было тебѣ сказать, — а тамъ дѣлай самъ, какъ хочешь. Мое дѣло сторона.

Молодой человѣкъ вышелъ въ другую комнату, и какъ нарочно легъ на кровать атамана. Недолго однакожь спалъ онъ.

Воры воротились съ промысла; они были очень разстроены. Атамана ихъ схватили, — и они теперь не знали какъ имъ быть.

Старуха рассказала имъ о прохожемъ, который насильно хотѣлъ остаться ночевать, и завладѣлъ даже кроватью атамана.

— Не общалъ ли онъ тебѣ денегъ за ночлегъ? спросили воры.

— Какія у него деньги, — отвѣчала старуха. У него кромѣ дряннаго платьишка, ничего нѣтъ.

Удивленные такою смѣлостью, воры стали между собою совѣтоваться, что имъ дѣлать. Въ это самое время вышелъ къ нимъ крестьянинъ.

— А что, добрые люди, спросилъ онъ ихъ, — не надо ли вамъ хорошаго товарища?

— А развѣ ты хочешь заняться нашимъ ремесломъ?

— Почему же и нѣтъ. Отецъ пустилъ меня на всѣ четыре стороны. Кормиться мнѣ нечѣмъ. Ремесло ваше не мудреное и выгодное. Подъ конецъ ведетъ оно, правда, на столбикъ съ перекладинкою...

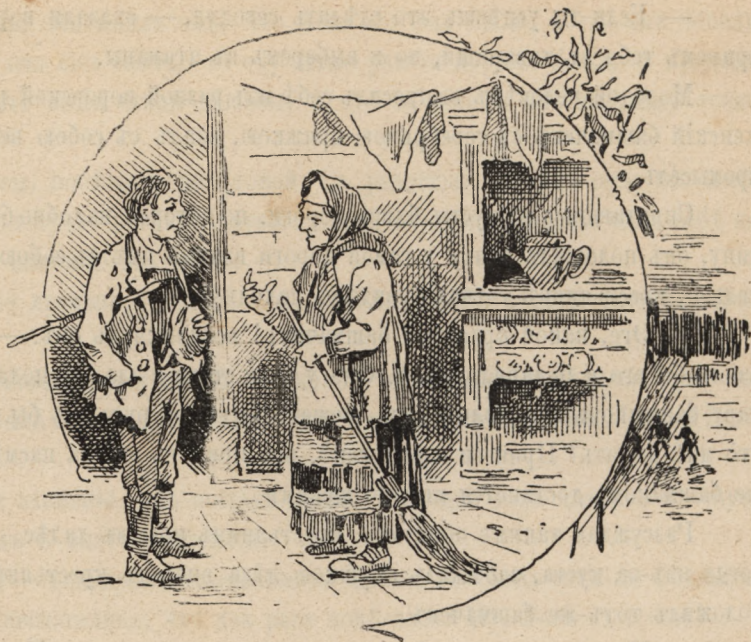
— Что говорить пустяки, хочешь или нѣтъ быть нашимъ товарищемъ?

— Хочу, разумѣется...

— Для этого надобно прежде представить опытъ своего искусства.

— Я готовъ.

На другой же день задали ему урокъ. — При выходѣ изъ лѣса жилъ крестьянинъ, который хотѣлъ въ этотъ день отвести въ городъ на рынокъ одного изъ своихъ быковъ на продажу. Воры поручили новому товарищу увести у крестьянина всѣхъ трехъ быковъ, однакоже не силою и не дѣлая ему никакого вреда.

— Если ты успеешь это сдѣлать сегодня, — сказали воры, — то мы не только примемъ тебя въ товарищи, но и выберемъ въ атаманы.

Молодой человекъ выпросилъ себѣ изъ разной воровской добычи одинъ красивый женскій башмачекъ съ серебряною пряжкой, взялъ съ собою веревку и отправился на промыселъ.

Спрятавшись въ кусты близъ дороги, по которой надобно было проходить крестьянину, онъ положилъ почти у самой дороги взятый имъ съ собою башмачекъ. Дѣйствительно, крестьянинъ тотчасъ увидѣлъ находку.

— Эге, какой красивый башмачекъ! воскликнулъ онъ. — Еслибъ была пара, я взялъ бы его и подарилъ женѣ. Она у меня стара и зла, но подарки любитъ. За такую пару башмаковъ она цѣлый день, можетъ-быть, не ругалась бы со мною. А съ однимъ, что мнѣ дѣлать? Принеси я его женѣ, она приметъ это за насмѣшку и пожалуй этимъ же башмакомъ достанется мнѣ по щекамъ.

Разсуждая такимъ образомъ, крестьянинъ пошелъ далѣе. Молодой воръ вышелъ тогда изъ-за куста, забѣжалъ опушкою лѣса впередъ крестьянина, и опять у дороги положилъ тотъ-же башмачекъ.

— Ну, не глупъ ли я! — вскричалъ крестьянинъ. — Не поднялъ тамъ башмака, когда здѣсь лежитъ другой! Побѣжать скорѣе назадъ, да взять его. Вечеру, подарю оба женѣ.

А чтобъ скорѣе исполнить свое намѣреніе, онъ привязалъ къ дереву быка, котораго гналъ на продажу, — и побѣжалъ за первымъ башмакомъ. Долго проискавъ его по пустому, онъ съ досадою воротился опять къ быку. Каково-же было его отчаяніе, когда онъ не нашелъ ни втораго башмака, ни быка.

— Что мнѣ дѣлать теперь? сказалъ онъ. — Жена съѣстъ меня...

Тутъ, пораздумавъ, вспомнилъ онъ, что жена его еще спала, когда онъ повелъ быка на рынокъ. Если она еще спитъ, то ему легко увезти другого быка, и продавъ его, сказать потомъ, что быки стали дешевы, и что за обоихъ онъ выручилъ очень мало денегъ.

Немедля ни минуты, побѣжалъ онъ домой. Съ радостью увидѣлъ онъ, что жена его еще спитъ, — благополучно погнавъ другого быка, внутренне общая самъ-себѣ не прельщаться по дорогѣ никакою находкою.

Пройдя нѣсколько времени, увидѣлъ онъ, что на деревѣ виситъ человѣкъ (это былъ молодой воръ).

— Это чтò, — сказалъ крестьянинъ, — какой-то бѣднякъ повѣсился, ужь не оттого ли, что у него была злая жена? Видно онъ былъ несчастнѣе меня. Упокой Богъ твою грѣшную душу.

Сдѣлавъ крестное знаменіе, онъ пошелъ далѣе. Молодой воръ тотчасъ-же спустился, забѣжалъ впередъ и опять повѣсился.

— Что за чудеса, — вскричалъ крестьянинъ. Право, это опять тотъ-же бѣднякъ. Неужто ты былъ такъ несчастливъ, что два раза повѣсился? Ну, Богъ съ тобою!

Махнувъ рукою, пошелъ онъ дальше.

Пройдя еще съ полчаса, увидѣлъ онъ третьяго висѣльника, и совершенно похожаго на первыхъ двухъ.

— Нѣтъ! ужь это не просто, — сказалъ онъ, протирая глаза. Вѣдь не одинъ и тотъ-же это бѣднякъ. Развѣ ихъ трое братьевъ — и у всѣхъ были злыя жены? Нѣтъ! Сбѣгаю посмотрю на прежнихъ.

Сказавъ это, привязалъ онъ быка и побѣжалъ назадъ къ тому дереву, гдѣ прежде видѣлъ висѣльника. Не тутъ-то было. Проискавъ его напрасно, воротился онъ къ быку, — и того не было.

Взвылъ бѣдный крестьянинъ. „Придется видно и мнѣ точно также повѣситься, когда жена узнаетъ, что я прозѣвалъ двухъ быковъ. Нѣтъ! лучше побѣгу за третьимъ, продамъ его, — а тамъ чтò будетъ, то будетъ“.

Прибѣжавъ домой, увидѣлъ онъ, что жена ушла къ сосѣдкѣ поболтать. Онъ тотчасъ-же угналъ третьяго быка, и со страхомъ оглядывался, не гонится ли за нимъ жена. Вдругъ у самаго того мѣста, гдѣ былъ привязанъ первый быкъ его, услышалъ онъ, что вдали въ лѣсу мычить его быкъ.

Сердце крестьянина запрыгало отъ радости.

— Какой же я дуракъ! — вскричалъ онъ. — Быки мои отвязались и бродятъ по лѣсу, а я думалъ, что ихъ кто-нибудь увелъ. Да и кому тутъ уводить. — Вотъ они голубчики мычатъ вдали. Я узнаю ихъ по голосу. Побѣжать къ нимъ.

На этотъ разъ, привязавъ третьяго быка покрѣпче, бросился онъ въ лѣсъ, туда гдѣ подъ голосъ быковъ мычалъ молодой воръ. — Увы! первыхъ двухъ онъ не нашель, а когда съ горемъ воротился къ третьему, и того не было.

Долго вылъ крестьянинъ и рвалъ на себѣ волосы. Потомъ пошелъ назадъ, но не къ женѣ, а въ кабакъ, гдѣ пробылъ до возвращенія быковъ, о которомъ мы вскорѣ скажемъ.

Такимъ-образомъ молодой воръ, выполняя заданный ему урокъ, требовалъ, чтобъ товарищи сдержали свое слово и выбрали его атаманомъ. Они сознались, что онъ съ перваго шага превзошелъ ихъ въ хитрости — и выбрали его на мѣсто захваченнаго и казненнаго атамана.

Когда ему вѣрили всю власть и вручили ключи отъ сундуковъ, онъ объявилъ, что придумалъ удивительный планъ, который каждому изъ нихъ доставить по нѣскольку милліоновъ. Взявъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе, что въ точности исполнять его приказаніе, онъ отправилъ ихъ разными дорогами и назначилъ свиданіе въ одномъ городѣ, на городской площади. Тамъ они должны были ждать его до утра, не трогаясь съ мѣста и не пугаясь ничего.

Всѣ съ удовольствіемъ поклялись исполнить его волю — и отправились.

Когда они ушли, молодой атаманъ началъ съ того, что выпустилъ быковъ — и тѣ опять спокойно пошли изъ лѣсу въ свой хлѣвъ, гдѣ ихъ и нашелъ изумленный крестьянинъ. Потомъ Гансъ — такъ звали нашего молодца, — навьючилъ всѣхъ лошадей, стоявшихъ на воровскихъ конюшняхъ, богатствомъ, найденнымъ имъ въ сундукахъ, — и отправился съ ними по дорогѣ къ хижинѣ отца. Старухѣ подарилъ онъ домъ, всю мебель и посуду.

— Ну, а если хозяева воротятся, дитятко? — спросила она.

— Нѣтъ бабушка, не воротятся. Съ висѣлицы трудно сорваться, — а они скоро будутъ на ней болтаться за всѣ свои дурныя дѣла.

Въ гардеробѣ воровъ нашелъ онъ себѣ богатое платье, надѣлъ его — и въ этомъ нарядѣ прибылъ къ хижинѣ отца, со всѣми сокровищами.

Отецъ встрѣтилъ сына у дверей, и не узнавъ его, спросилъ что ему угодно.

— Мнѣ-бы хотѣлось, старинушка, нанять у тебя квартиру.

— Чтò вы, сударь, шутите? — отвѣчалъ отецъ. Куда мнѣ помѣстить всѣхъ вашихъ лошадей? Здѣсь вашей милости будетъ тѣсно.

— Чтò за бѣда! найдемъ для всего мѣсто. Вѣдь у тебя жили же трое сыновей, а теперь ты и одного изъ нихъ принять къ себѣ не хочешь?

— Какъ? Чтò это значитъ?

— Да то, что вы, батюшка, не узнаете меня.

Отецъ бросился обнимать сына.

— Гдѣ же ты это былъ и чѣмъ промышлялъ, что могъ нажить себѣ такое огромное богатство?

— Вы мнѣ сказали, отпуская меня: дѣлай чтò хочешь, — отвѣчалъ сынъ. Первое занятіе, которое мнѣ попало подъ руки, было воровское, — и я вступилъ въ общество этихъ людей.

— Эхъ, дитятко, плохо. Надобно было заняться честнымъ ремесломъ.

— Во-первыхъ, батюшка, мнѣ не изъ чего было выбирать, — а во-вторыхъ, я придумалъ средство и между ворами остаться честнымъ.

— Ну, это мудрено.

— Мудрено, но возможно. Вотъ видите ли: чтобъ быть принятымъ въ шайку воровъ, мнѣ задали урокъ украсть у одного крестьянина трехъ быковъ. Я это выполнилъ. Меня сдѣлали атаманомъ, — а быки теперь уже стоятъ въ стойлѣ у своего хозяина. При мнѣ шайка не успѣла ничего украсть и напроказить. Я отправилъ ее всю въ ближайшій городъ, гдѣ и велѣлъ ей ждать себя въ воскресенье съ полночи до утра, на площади. Это я сдѣлалъ для того, чтобъ предать мошенниковъ достойному наказанію по законамъ. Мы съ вами, батюшка, отправимся сейчасъ къ пастору и попросимъ его написать къ градоначальнику, чтобъ онъ заранѣе собралъ достаточную силу, и принялъ все мѣры для поимки на площади всей шайки, отъ перваго до послѣдняго вора. Другое же письмо мы напишемъ къ буромистру, чтобъ тотъ объявилъ, что все, которыхъ въ послѣднее время ограбили, являлись-бы сюда, и изъ нашего сельскаго суда брали свои вещи подъ росписки. Такимъ-образомъ, видите ли, что мое ремесло было честное. Оно принесетъ государству пользу истребленіемъ самой вредной шайки, и возвратитъ хозяевамъ все, что у нихъ украли.

Отецъ пролилъ радостныя слезы, обнимая сына. Они пошли къ пастору, и все сдѣлали, какъ говорилъ Гансъ.

Слѣдствіемъ писемъ его было дѣйствительно то, что вся шайка была захвачена — а ограбленные явились въ ту деревню, гдѣ жилъ отецъ съ сыномъ, и получая свои богатства, отдавали изъ благодарности Гансу, кто третью часть, кто половину. Иные и совсѣмъ не явились. Такимъ образомъ Гансъ все-таки сдѣлался богатымъ и всеми уважаемымъ человекомъ.

Однажды, сидя съ отцемъ, онъ сказалъ ему:

— Ну, батюшка! Мы съ тобою въ это время много сдѣлали для другихъ. Пора мнѣ и о себѣ подумать. Я хочу жениться.

— И прекрасно, дитятко, — отвѣчалъ отецъ. Я замѣтилъ, что все наши крестьянскія дѣвки на тебя заглядываются.

— Вѣрю, батюшка, — да я то не смотрю на нихъ. Нѣтъ! Въ прошлое воскресенье видѣлъ я въ нашей сельской церкви дочь фермера, земли котораго видны отсюда. Она мнѣ очень приглянулась. Сходи-ко, батюшко, къ ея отцу и попроси у него ея руки для меня.

— Что ты, дитятко! Да онъ меня велитъ вытолкать. Онъ скажетъ, что ты съ ума сошелъ.

— Онъ будетъ неправъ. Сватать кого-нибудь — не значить съ ума сойти...

— Да онъ человекъ страшно богатый.

— Прежде нежели сдѣлался богатымъ, былъ онъ простымъ крестьяниномъ, а

что касается до богатства, — вы знаете, что и у меня столько денег, что я в состоянии заплатить все долги фермера, которых тоже очень много.

Старик пожал плечами — и пошел к фермеру. Низко поклонился он ему, и сказал:

— Простите бедного старика, который не сам собою, а по воле сына своего пришел к вам с самым сумасбродным предложением.

— С каким?

— Сын мой недавно очень разбогател и так высоко возмечтал о себе, что прислал меня просить у вас руки вашей дочери.

— Вот что! — сказал фермер. Это забавно. А каким ремеслом он так разбогател?

— Он был атаманом воровской шайки.

— А! это тот молодец, который оказал всей нашей области такую важную услугу истреблением ужасной шайки воров, — и который потом все богатства раз-

дал прежнему владельцам их. Прекрасно! очень рад с ним познакомиться. Только дочь мою я так легко не отдам. Я хочу испытать его мастерство. Я слышал, что он очень хитро украл у одного крестьянина трех быков. Я купил их, — и в будущее воскресенье будут жарить одного из них. Скажи же своему сыну, чтобы он унес у меня из кухни это жаркое, когда оно будет на вертел и когда я со всеми поварами и работниками буду на кухне сам стеречь его.

Отец поклонился и принес этот ответ сыну, вовсе не ожидая, чтобы это сватовство так легко сошло у него с рук.

— Ну, это бездельца, — сказал сын. Фермер шутит. За подобную бездельца он еще не отдаст мне своей дочери, — а заставит верно помудреть что-нибудь.

В воскресенье по утрам, переодетый нищим, прокрался он рано на двор фермы, куда в этот день собирались всегда несколько таких же бедняков для получения милостыни. Когда подавание было уже роздано, Ганс завалился в одном темном уголку и пролежал там до полудня, когда началась на кухне суетня и когда сам фермер пришел туда со всеми своими работниками.

— Вотъ и всё на мѣстѣ, — сказалъ Гансъ про себя. Какъ исправно дождаются они меня.

Сказавъ это, выпустилъ онъ изъ сумы своей одного изъ трехъ зайцевъ, которыхъ принесъ въ ней на ферму. Заяцъ тотчасъ же пустился бѣжать по двору.

Работники бросились было преслѣдовать его, но фермеръ остановилъ ихъ, говоря, что заяцъ бѣгаетъ прытче ихъ и что бесполезно за нимъ гнаться.

Черезъ нѣсколько минутъ выпустилъ Гансъ и другаго зайца, который забѣгалъ вокругъ двора, такъ что не узнали, тотъ-ли это самый, или другой. Люди опять съ криками бросились за нимъ. Но и на этотъ разъ фермеръ не пустилъ ихъ.

Вскорѣ выпущенъ былъ и третій заяцъ, самый видный и здоровый, который какъ нарочно побѣжалъ мимо кухни. На этотъ разъ фермеръ, какъ страстный охотникъ, не утерпѣлъ и со всѣми работниками пустился за зайцемъ, крича, чтобъ выпустили поскорѣе изъ псарни борзыхъ собакъ.

Во-время этой суматохи мнимый нищій пробрался въ кухню, уложилъ въ суму жаркое и исчезъ.

Борзны успѣли наконецъ поймать котораго-то изъ бѣдныхъ зайцевъ, но это было единственное жаркое фермера на этотъ день. Онъ видѣлъ, что бывший атаманъ воровъ хорошо еще помнить свое ремесло.

Въ числѣ гостей, которые были въ этотъ день у фермера и болѣе всѣхъ подсмѣивались надъ украденнымъ съ вертѣла жаркимъ, былъ старый адвокатъ, человекъ самаго ограниченнаго ума. Фермеру чрезвычайно досадны были насмѣшки этого глупца, но онъ не показалъ и вида, что обижается грубыми его остротами.

Когда Гансъ на другой день самъ явился къ фермеру, тотъ очень ласково обошелся съ нимъ, представилъ его женѣ и дочери, объявилъ имъ о сватовствѣ, объ услугахъ, оказанныхъ Гансомъ цѣлой области, его безкорыстїи и о богатствѣ. Фермерша ничего не сказала, привыкнувъ повиноваться во всемъ волѣ мужа. Но дочь съ любопытствомъ посмотрѣла на смѣлаго жениха, и покраснѣла отъ удовольствїя, до того онъ ей понравился съ перваго взгляда. Фермеръ объявилъ ей, на какомъ условїи онъ обѣщаль Гансу руку ея.

— Хотя долгъ мой и велить мнѣ вамъ повиноваться, сказала дочь фермера, но мнѣ кажется, что рука моя стоить больше жареной говядины. Если ужъ вы для забавы своей вздумали задать ему одинъ урокъ изъ прежняго его ремесла, то пусть же онъ сдѣлаетъ нѣсколько, и тогда я сама напомню вамъ о данномъ ему словѣ.

— Прекрасно, сказалъ отецъ, а у меня ужъ и есть одна штука въ головѣ. Послушай, молодецъ! Вчера сосѣдъ мой адвокатъ, большой глупецъ, весь обѣдъ смѣялся надо мной, потому-что я даль унести у себя жаркое изъ подъ носа. Онъ хвасталъ, что его такъ не проведутъ. Еслибъ я тебѣ поручилъ обмануть его, то даль-бы тебѣ порученїе, самое недостойное умнаго малаго. Этотъ дуракъ такъ глупъ, что всякій поваренокъ проведетъ его десять разъ въ день. Такъ ты придумай что-нибудь самъ.

Напримѣръ, украдь его самаго, и принеси ко мнѣ на птичный дворъ. Брось его тамъ на ночь къ гусямъ и индѣйкамъ, чтобъ они его пощипали, и дай мнѣ знать объ этомъ; я посмѣюсь въ свою очередь надъ глупцомъ. А дочь, можетъ-быть, за удовольствіе, доставленное мнѣ, напомнитъ о данномъ словѣ.

Гансъ поклонился фермеру, бросилъ страстный взглядъ на его дочь, и отправился къ мѣсту своего назначенія. Вывѣдавъ всю подноготную объ образѣ жизни адвоката, онъ узналъ, что главный конекъ его глупостей состоитъ въ отысканіи кладовъ и въ умилостивленіи чудовищъ, которые стерегутъ эти сокровища.

Надѣвъ на себя платье огненнаго цвѣта, вышитое красною фольгою, такъ что при свѣтѣ лампы казался онъ весь въ пламени, и придѣлавъ себѣ крылья, прокрался онъ непримѣтно въ комнату къ адвокату, когда тотъ, сидя у пылающаго камина, съ глубокомыслиемъ погруженъ былъ въ чтеніе своей любимой книги: *О средствахъ отысканія кладовъ*. Гансъ непримѣтно сталъ у камина, выжидая удобнаго случая начать дѣло.

— Все это прекрасно! сказала адвокатъ, опустя книгу на колѣни и голову на грудь. По этому описанію, здѣсь вблизи долженъ быть огромный кладъ во владѣніи этого дурака фермера. Не мудрено! У него изъ-подъ носа крадутъ жаркое, такъ можетъ-ли онъ что-нибудь знать о высокихъ тайнствахъ природы, открываемыхъ однимъ избранныкамъ науки. О, какъ-бы я хотѣлъ овладѣть этимъ кладомъ... для того только, чтобъ посмѣяться надъ фермеромъ. Но хранителемъ этого клада должно быть какое-нибудь страшилище, у которыхъ всегда есть самыя тяжкія условія для полученія сокровища... Гдѣ найти этого оберегателя клада, и какія онъ назначитъ условія...

Въ это мгновеніе одно еловое полѣно въ каминѣ сильно затрещало, и отбросивъ большой уголь, ярко озарило комнату. Адвокатъ невольно взглянулъ, и ужасъ оковалъ языкъ его. Передъ нимъ стояло огненное крылатое чудовище.

— Не пугайся, сказала чудовище. Это я выскочилъ изъ камина и задѣлъ одно полѣно... Я зналъ, что ты читаешь умную книгу объ отысканіи кладовъ, и желалъ-бы видѣть того, который сторожитъ ближайшій кладъ въ имѣніи фермера. Хочешь-ли получить это сокровище?

— Какъ не хотѣть, тихо прошепталъ испуганный адвокатъ, какъ не хотѣть! Но какія твои условія...

— Почти никакихъ. Важныя обстоятельства призываютъ меня къ охраненію цѣлой золотой горы на островѣ Борнео, такъ какъ здѣшній кладъ остается совсѣмъ безъ сторожа. Я уже летѣлъ къ новому своему назначенію, когда услышавъ, чрезъ трубу камина, твои слова, спустился внизъ. Говори же, мнѣ некогда! Хочешь-ли получить этотъ кладъ?

— Хочу, сказалъ адвокатъ. Что надо дѣлать?

— Ничего. Пользай въ этотъ мѣшокъ... Тутъ Гансъ подставилъ старый угольный мѣшокъ.

— Адвокатъ колебался.

— Неужели ты понесешь меня по воздуху... я пугливъ, неравно закричу, и ты пожалуй меня выпустишь.

— Нѣтъ! по условію, тотъ, кто хочетъ владѣть кладомъ, долженъ придти къ нему, не передвигая ногъ, но однако же такъ, чтобы ноги безпрестанно касались до земли, чтобъ онъ не ѣхалъ ни на какомъ животномъ и чтобъ былъ въ лежачемъ положеніи, понимаешь ли, какъ можно выполнить эти условія?...

— Прекрасно! вскричалъ адвокатъ. Теперь я понимаю, мудрый духъ и удивляюсь твоему глубокомыслію. Ты меня потащишь въ этомъ мѣшкѣ... Я съ радостію готовъ на это.

И онъ важно полѣзъ въ мѣшокъ. Покуда мнимое чудовище завязывалъ, адвокатъ просилъ его тащить по травѣ, а не по камнямъ, чтобъ не больно было.

— Нельзя, любезный! Сказано по землѣ, а не по травѣ. И смотри, берегись сказать во все это время хоть одно слово, испустить хотя одинъ стонъ, иначе все пропало; я тотчасъ же подхвачу тебя и понесу на островъ Борнео, а при второмъ крикѣ выпущу тебя изъ рукъ, гдѣ бы это ни случилось, надъ моремъ, огнедышащею горою, или надъ острыми скалами...

Адвокатъ очень испугался — и уже было хотѣлъ отказаться отъ клада, но онъ былъ завязанъ въ мѣшкѣ, и почувствовалъ, что сильная рука потащила его черезъ порогъ на улицу — и далѣе. Теперь ему уже нельзя было вскрикнуть, — иначе чудовище унесетъ его подъ облака и полетитъ съ нимъ на островъ Борнео.

Съ покорностію и терпѣніемъ предался онъ судьбѣ своей, воображая, что за нѣсколько часовъ терпѣнія будетъ у него завтра богатый кладъ, похищенный у надменнаго фермера почти изъ-подъ носа.

Тяжело и больно приходилось адвокату по дорогѣ. Гансъ не щадилъ его спины, волочилъ ее по каменьямъ и колючимъ кустамъ. Еслибъ не страхъ ужаснѣйшей участи, бѣднякъ не разъ бы вскрикнулъ... но мысль о сокровищѣ улаждала его страданія.

Часа черезъ два притащилъ Гансъ свою ношу на задній дворъ фермера, и довольно неучтиво бросилъ ее въ птичникъ, гдѣ было стадо гусей.

— Лежи тутъ смирно до утра, — сказалъ Гансъ. Ты теперь на самомъ кладѣ. Помощники мои будутъ вокругъ тебя летать и щипать тебя. Но ты вытерпи эту бездѣлицу. Злость ихъ безопасна. Съ первымъ лучемъ восходящаго солнца явлюсь я къ тебѣ — и вручу кладъ, который вмѣстѣ съ тобою въ этомъ мѣшкѣ мы понесемъ къ тебѣ.

Бросивъ обманутаго бѣдняка, Гансъ пошелъ къ фермеру и рассказалъ ему все. Тотъ помиралъ со смѣху, и потомъ велѣлъ позвать жену и дочь, чтобъ Гансъ повторилъ имъ свой рассказъ. Тѣ тоже много смѣялись остроумной выдумкѣ Ганса.

Съ утреннею зарею фермеръ со всѣми прислужниками на фермѣ отправился въ птичій хлѣвъ. Адвокатъ лежалъ тамъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Гуси пощипали порядочно мѣшокъ, и многимъ частямъ тѣла адвоката досталось тоже порядочно.

Громкій, оглушительный смѣхъ заставилъ его открыть глаза. Передъ нимъ стояли фермеръ съ женою, дочерью и работниками.

— Какъ, почтеннѣйшій другъ, — вскричалъ фермеръ, — вы ночью забрались въ мой птичникъ! Неужели вы такой охотникъ до гусей? Что-жъ вы мнѣ не сказали? Я бы не допустилъ васъ до неприличнаго поступка и подарилъ бы вамъ охотно хотя дюжину этихъ животныхъ, которыя такъ неучтиво поступили съ вашимъ нижнимъ платьемъ.

При новомъ взрывѣ хохота адвокатъ вскочилъ и опрометью побѣжалъ домой.

— Когда Гансъ снова явился къ фермеру, тотъ съ улыбкою посмотрѣлъ на дочь, какъ бы спрашивая ея отвѣта.

— Меня чрезвычайно занимаютъ эти хитрости моего жениха, — сказала она. Ему удалось одинъ разъ васъ обмануть, но я увѣрена, что въ другой разъ вы примете все мѣры противъ этого. Задайте же ему новую задачу.

— Пожалуй, — отвѣчалъ отецъ. — Только мнѣ жаль будетъ, если эти хитрости не удадутся. Я теперь уже не дамъ обмануть себя... Послушай, будущій зятюшка. У меня на конюшнѣ двѣнадцать верховыхъ лошадей. Завтра поутру посажу я на нихъ

конюховъ, которые до обѣда будутъ ѣздить на нихъ по двору фермы. Если ты въ это время успѣешь украсть изъ-подъ нихъ всехъ лошадей, — то я признаю тебя масте-ромъ своего дѣла.

— А я напомню батюшкѣ о данномъ словѣ, прибавила дочь.

Гансъ поклонился — и сказалъ, что исполнить заданный урокъ.

По утру, съ раннею зарею, когда конюхи только что вставали, явилась на дворѣ фермы оборванная старуха и просила у нихъ позволеніе отогрѣться на кухнѣ, потому-

что ночь провела въ дорогѣ, а утро было очень свѣжо. Конюхи пустили ее и начали выводить и сѣдлать лошадей.

Съ неудовольствіемъ разговаривали они о странной прихоти фермера: съ самаго солнечнаго восхода до обѣда ѣздить по двору. Фермеръ не объявилъ имъ о данномъ урокъ своему будущему зятю. Онъ только сказалъ имъ, какъ-бы шутя: смотрите, чтобы не украли лошадей изъ-подъ васъ.

Когда конюхи сѣли на лошадей и стали разѣзжать подвору, фермеръ еще спалъ глубокимъ сномъ, работники тоже; эта всеобщая лѣность еще болѣе сердила конюховъ. Одна старуха знала, отчего это происходитъ; она ввечеру заходила на кухню передъ ужиномъ, и за двѣ фляжки рома, которыя ей, какъ она говорила, подарилъ ей внукъ контрабандистъ, дали ей хорошую порцію ужина. Тутъ успѣла эта старуха подмѣшать чего-то въ кушанье фермера, отчего онъ сегодня такъ долго спалъ, — а работники спали тоже отъ рома старухи, которая однако же уллучила для угощенія ихъ то время, когда конюхи не воротились еще изъ конюшни.

Съ часъ уже ѣздили они по двору и посматривали на окна, не покажется ли фермеръ, холодъ пронималъ ихъ, неудовольствіе ихъ возрастало. Вышла и старуха изъ кухни.

— А что, старая корга, — сказалъ одинъ конюхъ. Я слышала, что ты вчера угощала нашихъ работниковъ славнымъ ромомъ, нѣтъ ли у тебя еще фляжечки?

— Какъ не быть, добрый молодець, отвѣчала она. Внучекъ снабжаетъ меня всякой день фляжкою. Не выпивать же мнѣ ихъ; я, то продаю, то угощаю добрыхъ людей.

— Ну, такъ давай же скорѣе, холодъ такъ и пробираетъ.

— Изволь, дитятко, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вамъ все въ достало. У меня нѣтъ другой фляжки, а обижать твоихъ товарищей я не хочу.

— Ну, глотка по два, по три будетъ, давай.

Старуха подала ему порядочнаго размѣра фляжку, — и все собрались около перваго счастливица. . . Все поочереди подходили къ благодѣтельной фляжкѣ, — и похваливали напитокъ. Только когда двѣнадцатый допивалъ фляжку, первый уже свалился съ лошади и спалъ глубокимъ сномъ. Вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ тоже другой, третій и до послѣдняго, — а мнимая старуха взяла подъ уздцы всехъ лошадей и отвела ихъ къ себѣ.

Въ это время проснулся и фермеръ, удивляясь необыкновенной сонливости, вспомнилъ о будущемъ своемъ зятѣ и бросился къ окну. Все конюхи лежали и храпѣли.

— Понимаю! — вскричалъ онъ. Хитрецъ надулъ меня.

Тотъ вскорѣ и самъ явился.

— Это начинаетъ меня не на шутку сердить, — сказалъ онъ Гансу. Я непременно хочу, чтобы ты самъ признался наконецъ, что твоя хитрость стала въ тупикъ. Теперь я приказываю тебѣ украсть изъ-подъ меня самого лошадь, когда я сегодня поѣду гулять по большой дорогѣ. Если ты этого не исполнишь, то дочери моей тебѣ не видать, какъ ушей своихъ.

Гансъ поклонился и ушелъ.

Черезъ часъ ѣхаль онъ уже, переодѣвшись старымъ ямщикомъ, на телегѣ и везъ бочку съ водою, держа одинъ палецъ въ боковомъ отверстіи, которое обыкновенно за-тыкается втулкою. вмѣстѣ съ тѣмъ нанялъ онъ пастуха, чтобъ тотъ въ это время ходилъ по опушкѣ лѣса и насвистывалъ на всевозможные голоса птицъ.

Вскорѣ показался и фермеръ, ѣхавшій къ нему навстрѣчу.

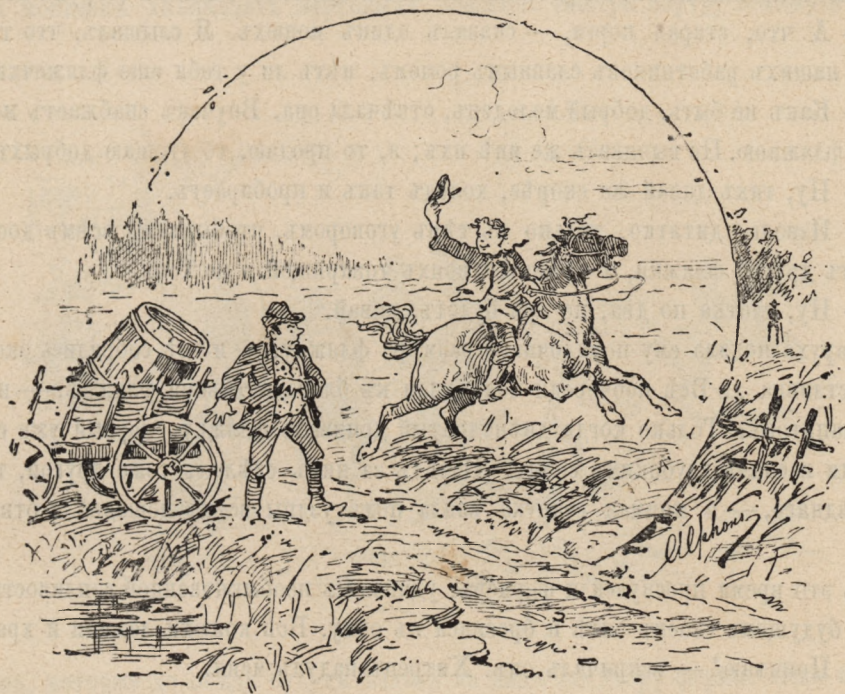
— Что ты за человѣкъ и куда ѣдешь? спросилъ онъ у Ганса.

— Да къ вашей милости, г. фермеръ. Вашъ сосѣдъ М. добылъ два боченка венгерскаго вина и хочетъ подѣлиться съ вами. Узнавъ, что я ѣду на вашу мельницу, онъ велѣлъ мнѣ взять одинъ боченокъ съ собою и лично представить его вашей милости...

— Хорошо, хорошо! ступай и отдай управителю...

— Слушаю-съ... Да вотъ бѣда маленькая приключилась. Пробка выскочила изъ втулки. Я покуда пальцемъ заткнулъ, чтобъ не пролилось ни капли вина. Только мнѣ ужъ не въ моготу держать такъ палецъ, руку свело. Выпущу и все полетится...

— Нѣтъ ли какого колышка? Заколоти отверстие.

— Вырѣзать недолго, изъ перваго дерева. У меня и ножъ съ собою... Я сейчасъ встрѣтилъ молодца у опушки лѣса и просилъ было его, чтобъ онъ покуда подержалъ палецъ въ бочкѣ, да онъ не послушался. Ходитъ себѣ, да насвистываетъ. Говоритъ, что ждетъ какого то проѣзжаго верхомъ на лошади, и просилъ сказать, если его увижу, что въ лѣсу пролетѣли цѣлыя стаи самыхъ рѣдкихъ птицъ.

— А! это мой хитрецъ! Слышу какъ насвистываетъ. Нѣтъ, любезный, не заманишь въ лѣсъ. За птицами твоими я не погонюсь... А тебѣ, старинушка, я пожалуй помогу для собственной же своей пользы. Пусти меня, я подержу покуда палець въ отверстіи, а ты вырѣжь поскорѣе колышекъ, чтобъ заткнуть бочку.

Съ этимъ словомъ, онъ слезъ съ лошади въ телѣгу и съ поспѣшностію всунулъ палець свой вмѣсто крестьянина. А тотъ въ ту же минуту вскочилъ на коня фермера, закричалъ будущему своему тестю: благодарствуйте! далъ шпоры коню и поскакалъ.

Только теперъ узналъ фермеръ своего зятя по голосу и вынулъ палець; изъ бочки полилась вода и обманутый съ досадою пошелъ домой пѣшкомъ.

Гансъ явился къ нему и привелъ назадъ измученную лошадь.

— Нѣтъ, сказалъ фермеръ. Видно въ-самомъ-дѣлѣ нельзя съ нимъ тягаться. Этотъ негодяй украдетъ пожалуй и дочь нашу. Поскорѣе обвинчать ихъ.

На другое утро явился Гансъ и привелъ съ собою пастора. Фермеръ самъ торопился свадьбой и бракъ былъ отпразднованъ въ тотъ же день.

Молодые жили долго и счастливо. Богъ далъ имъ много дѣтей, которымъ отецъ часто говаривалъ:

— Дѣти мои! вашъ отецъ былъ атаманомъ воровъ, но никого не обокралъ; онъ изъ бѣдняковъ сдѣлался богачемъ, но никого не обидѣлъ; онъ женился на дѣвушкѣ гораздо выше себя по состоянію, но былъ однакоже счастливъ. Ведите себя, дѣти, честно и богобоязненно. Дѣлайте добро сколько можете и исполняйте всегда свой долгъ.

